

*Тамара Николаевна КОНДРАТЬЕВА —
докторант кафедры археологии,
истории древнего мира и средних веков
Института истории и политических наук
Тюменского государственного университета,
кандидат исторических наук
ktamara1960@yandex.ru*

УДК 930.1

Б. Ф. ПОРШНЕВ: СТУДЕНЧЕСКИЕ ГОДЫ

BORIS PORSHNEV: STUDENT YEARS

АННОТАЦИЯ. Статья освещает обучение Б.Ф. Поршнева в МГУ (1922–1925 гг.)

SUMMARY. The article considers Boris Porshnev's studying at Moscow State University in 1920s.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Борис Поршнев, МГУ, обучение.

KEY WORDS. Boris Porshnev, Moscow State University, education.

Б.Ф. Поршнев (1905–1972) прожил большую и яркую жизнь, которая была полна споров с отечественными и зарубежными оппонентами, признанием научных заслуг в виде Сталинской премии, переводов работ на разные европейские языки, присвоением звания почетного профессора Клермон-Ферранского университета, убийственной критики, вызванной его широкими, но довольно сомнительными построениями, разнообразием научных интересов и причудливыми извилами мысли и, как нередко бывало в советскую эпоху, публичным покаянием.

Однако биография ученого остается в значительной степени еще *tabula rasa*, на которой иногда непонятно по какой причине возникают довольно странные знаки. Сам Б.Ф. Поршнев писал, что родился в Санкт-Петербурге, в интеллигентной семье. Отец, по его словам, был инженером, а мать — педагогом. После революции семья, видимо, испытывала материальные лишения. В 1920 г. умер отец. Среднее образование будущий историк получал в «Выборгском Коммерческом Училище, позднее Советской Трудовой Школе, каковую окончил в 1922 году». В этом же году Б.Ф. Поршнев становится студентом 1-го Петроградского государственного университета по Общественно-педагогическому отделению Факультета общественных наук (ФОН) и сразу же переводится в МГУ — [1; Ф. 359, оп. 3. д. 62. Л. 211; Ф. 1574, оп. 4, д. 90. Л. 8].

По данным О.Т. Вите (следующего здесь за Б.Ф. Поршневым) [8, №7; 124] самого осведомленного на сегодняшний день биографа ученого, будущий исследователь народных движений и проблем палеопсихологии получил высшее образование на Общественно-педагогическом отделении ФОН 1-го МГУ, где изучал историю и психологию. Кроме того, считает О.Т. Вите, Б.Ф. Поршнев обучался на биологическом факультете МГУ. Получив в середине 1920-х гг. диплом историка, ... «Поршнев, — пишет О.Т. Вите, — допускает роковую ошибку... он не стал добиваться получения второго диплома — об окончании биологического факультета». Исследователь творчества Б.Ф. Поршнева неоднократно замечает, что учителем того был В.П. Волгин [2; 4-5].

Отметим сразу, что проведенные нами архивные изыскания не подтверждают приведенных О.Т. Вите и Б.Ф. Поршневым сведений. Если Б.Ф. Поршнев и учился биологии, то никак не в 1-ом МГУ, где биологический факультет открылся только в 1930 году [3]. Возможно, он посещал какие-то курсы по кафе-

дре антропологии, которая действовала на естественном отделении 1-го МГУ 1920-х годах. Это кафедра существенно отличалась от ее современных аналогов, на которых, как правило, преобладают либо философы, либо культурологи. Основавший ее А.Н. Анучин рассматривал антропологию скорее как естественно-научную дисциплину, тесно связанную с географией, естественной историей и народоведением [4; 521. 5]. Б.Ф. Поршнев, гипотетически, мог посещать здесь курсы по биологии, антропологии или даже, возможно, физиологии человека, но никак не мог получить по этому поводу диплом. Действительно, Б.Ф. Поршнев сам, заполняя различные анкеты и листки по учету кадров, всегда указывал, что окончил Общественно-педагогическое отделение ФОН 1-го МГУ. Это же можно прочесть в некоторых других официальных документах того времени [1; Ф. 359, оп. 3, д. 62; Л. 110, 205, 208, 210, 211, 214; Ф. 1574 оп. 4, д. 90. Л. 4, 8. 6; Ф. 4655, оп. 1, д. 264. Л. 12]. Однако известно, что в 1925 г. ФОН был реорганизован, после чего возник этнологический факультет в составе 4 отделений: этнографического, теории и истории литературы, изобразительного искусства и историко-археологического. Нам представляется, что Б.Ф. Поршнев только поступил на Общественно-педагогическое отделение ФОН 1-го МГУ, но закончил уже этнологический факультет. Фактически это была та же самая образовательная структура, только иначе поименованная. Данное утверждение подтверждено документально. В Архиве РАН хранится удостоверение, выданное 22 июля 1926 г. за № 2114 Б.Ф. Поршневу, в котором записано: «Представитель сего Поршнев Борис Федорович, родившийся в 1905 г. состоял студентом Общественно-Педагогического Отделения Этнологического факультета 1-го М.Г. Ун-та с 1922 г. по 1925 г. За этот период выполнил учебный план названного Отделения и выдержал установленные испытания» [1; Ф. 359, оп. 3, д. 62. Л. 194-195].

Вместе с тем сам факт окончания буквально перед этим созданного этнологического факультета никак не может свидетельствовать, что Б.Ф. Поршнев серьезно занимался в МГУ изучением биологии, психологии или даже этнологии. В сочиненной им 31 августа 1926 г. краткой биографии сказано о трехлетней учебе в МГУ вполне определенно: «Главным предметом занятий в Университете являлись: теория марксизма (исторический материализм и политическая экономия), общие курсы новой истории и история социализма. В апреле 1924 г., будучи на втором курсе, ввиду тяжелого материального положения (до этого жил на средства брата), принужден был взять работу секретаря в редакции журнала «Власть Советов», издававшегося при Коммунистической Академии. Работа эта, отнимавшая не менее 6-7 часов ежедневно, не оставляла более времени и сил для какой-либо другой общественной работы, также как и для более углубленных, как того хотелось, университетских занятий». 5 апреля 1925 г. Б.Ф. Поршнев переходит на работу научным сотрудником в только что открытый в Комакадемии Институт советского строительства [1; Ф. 350, оп. 3, д. 310. Л. 51]. «Первые месяцы организационного оформления института, — отмечает он в биографии, — требовали также значительной затраты времени». Осенью 1925 г. «все академические требования» оказываются выполненными. И он покидает университет, хотя дипломная работа, по словам историка, оставалась «еще не сданной» [1; Ф. 359, оп. 3, д. 62. Л. 211; Ф. 1574, оп. 4, д. 90. Л. 8]. Е.Б. Поршнева, дочь историка, описывает семейную реликвию — подстаканник, с выгравированной надписью: «Боречка кончил университет 19-Х-25» [7; 549]. Из приведенных данных скорее следует, что никаких серьезных занятий по биологии, психологии и этнологии (не исключено, по матери-

альным причинам) у Б.Ф. Поршнева во время учебы в МГУ не было. Косвенным доказательством этому является отзыв С.А. Токарева на написанную в начале 1930 г. аспирантом Института истории КА Б.Ф. Поршневым семинарскую работу «О социальной природе шаманства у якутов». Будущий признанный этнограф, одновременно с Б.Ф. Поршневым обучавшийся в ФОН 1-го МГУ [4; 456-457], отмечал: «т. Поршнева не этнограф и в этнографии эрудирован довольно слабо» [1; Ф. 359, оп. 3. д. 62. Л. 171].

Материальное состояние семьи Б.Ф. Поршнева во время учебы в МГУ действительно было нелегким. 21 ноября 1924 г., заполняя в Комакадемии анкету, он пишет, что в семье помимо него есть еще «брат, сестра и мать», причем «мать и сестра не работают» [1; Ф. 350, оп. 3. д. 310. Л. 55]. В 1924 г., обучаясь в МГУ, ему пришлось встать на биржу труда. Именно биржа дала Б.Ф. Поршневу официальное направление (оно сохранилось в архиве) на работу в Коммунистическую академию в качестве секретаря журнала «Власть Советов» [1; Ф. 350, оп. 3. д. 310. Л. 53,54]. 25 июля 1925 г. работающему с апреля научным сотрудником Б.Ф. Поршневу дирекция назначает так называемый «полный оклад» [1; Ф. 350, оп. 3. д. 310. Л. 52]. Обратимся еще раз к заполненной Б.Ф. Поршневым анкете. В ней он писал, что еще до поступления на работу в Комакадемию работал секретарем в журнале «Октябрь мысли». Проживали Поршневы в Москве по адресу: Арбат 51, кв. 8 с телефоном. На вопрос анкеты, «на каких языках говорите, кроме русского?», будущий франковед отвечал: «ни на каких». Графа с вопросом о социальной принадлежности в предреволюционное время осталась пустой. На вопрос: «владели ли вы когда-либо помещьем, фабрикой или торговлей; если да, то каким и где?». Отвечал: «нет» [1; Ф. 350, оп. 3. д. 310. Л. 55-56]. Последний ответ сомнителен. Е.Б. Поршнева пишет, что ее дед (отец Б.Ф. Поршнева) владел в Санкт-Петербурге кирпичным заводом. «Поршневские кирпичи пользовались большим спросом: приблизительно четвертая часть зданий, возведенных в С.-Петербурге за период с 80-х гг. XIX в. до 1917, была построена из кирпичей с фамильным клеймом «Поршневь» [7; 545]. Думается, нет оснований упрекать Б.Ф. Поршнева в неискренности — подробно описывать свое социальное положение тогда было, видимо, небезопасно.

Судя по анкетным данным, Б.Ф. Поршнева не стремился (или не мог стремиться по своему происхождению) ни к общественной, ни политической деятельности. Он не состоял ни в комсомоле, ни в ВКП(б). Его общественная деятельность ограничивалась участием (с 1924 г.) в профсоюзе работников просвещения [1; Ф. 350, оп. 3. д. 310. Л. 56; Ф. 1574, оп. 4 д. 90. Л. 4; Ф. 359, оп. 3. д. 1. Л. 110; Ф. 359, оп. 3. д. 62. Л. 205, 208, 214].

Осенью 1925 г. в составе института начала работать историческая комиссия по истории советов, и Б.Ф. Поршнева принимается в ней под руководством профессора С.А. Пионтковского изучать историю Октябрьской революции и истории Союза коммун Северной области. По его словам, работа в комиссии «носила научно-исследовательский характер», и ее результаты даже предназначались к опубликованию [1; Ф. 359, оп. 3. д. 62. Л. 211].

В Институт истории РАНИОН Б.Ф. Поршнева, желающий «специализироваться по вопросам новой и новейшей истории и истории социализма», поступил по рекомендациям С.А. Пионтковского и проф. Г. Михайлова. С.А. Пионтковский в своей рекомендации от 27 июня 1926 г. писал: «Он (Поршнева — прим. авт.) всегда хорошо и быстро ориентировался в сыром архивном материале, обнаруживая способность к самостоятельной разработке сырых материалов. Кроме того, т. Поршнева занимался историей общественных движений 40-80 гг.

(XIX в. — прим. авт.), сосредоточив здесь свое внимание на изучении Бакунина. И в области архивной работы и в своих занятиях Бакуниным т. Поршневым обнаруживал пытливость и самостоятельность мышления. У Поршнева имеется недурная подготовка в области теории марксизма и большое стремление к изучению исторических проблем — все это говорит за то, что в будущем из него выработается самостоятельный ученый исследователь. Его стремление к научным занятиям я всецело поддерживаю и рекомендую т. Поршнева как кандидата в аспиранты научно-исследовательского института истории» [1; Ф. 359, оп. 3. д. 62 . Л. 212-212 об.]. Аналогичную характеристику дал Б.Ф. Поршневу Г. Михайлов, подчеркивая, что тот в Исторической комиссии «выявил хорошую марксистскую подготовку и начитанность в области общественных наук, вдумчивость и самостоятельность в работе и способность к углубленному научному анализу изучаемых явлений» [1; Ф. 359, оп. 3. д. 62 . Л. 213]. Из анкеты, заполненной аспирантом Института истории РАНИОН Б.Ф. Поршневым, следует, что дипломного сочинения в 1-м МГУ он так и не написал и формально университет не окончил. Здесь же зафиксировано, что на момент поступления в аспирантуру у него не было научных трудов [1; Ф. 359, оп. 3. д. 62 . Л. 214].

Таким образом, Б.Ф. Поршневым проучился в ФОН 1-го МГУ три года, закончив его в 20 лет. Мы не располагаем сведениями ни об успеваемости студента Б.Ф. Поршнева, ни о качестве преподавания, ни об изучаемых им дисциплинах. Думается, что говорить о подготовке студентов-историков первых лет Советской власти, сколько-нибудь сопоставимой с дореволюционной, не приходится. Известно, что стоящий в то время у руля советской исторической науки М.Н. Покровский настойчиво изгонял из школы, включая высшую, «эрудитство», подменяя историческое образование стереотипным клишированием. Именно тогда в университете стали учить не ремеслу, а формально-логическим операциям с марксистским категориальным аппаратом и манипуляциям с марксистскими же цитатами. Неслучайно, как подчеркивает дочь маститого историка, уже тогда ему захотелось создать «настоящую науку, науку, в основе которой лежит теория, а не только описание фактов» [7; 548]. Непонятно только, почему ей и О.Т. Вите это стремление представляется чем-то исключительным — в 1920-х гг. этим занимались все красные профессора, историки-марксисты и даже некоторая часть историков с дореволюционным стажем. Думается, что на качестве штудий студента Б.Ф. Поршнева не могла не сказаться необходимость работать. И наконец, еще раз подчеркиваем: утверждение о том, что Б.Ф. Поршневым изучал в МГУ биологию и психологию, не находит документального подтверждения и представляется не более чем красивой легендой.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Архив РАН
2. Вите О.Т. Борис Федорович Поршневым и его критика человеческой истории // Французский ежегодник. 2005. М., 2005.
3. <http://www.bio.msu.ru/doc/index.php?ID=1>
4. Энциклопедический словарь Московского университета. Исторический факультет. М., 2004.
5. Левин М.Г. Дмитрий Николаевич Анучин (1843-1923) // <http://web1.kunstkamera.ru/siberia/AboutFull/AnuchinDN.pdf>
6. Государственный архив РФ (ГАРФ).
7. Поршнева Е. Реальность воображения (записки об отце) // Поршневым Б.Ф. О начале человеческой истории (проблемы палеопсихологии). СПб, 2007.
8. Б.Ф. Поршневым. Борьба за троглодитов // Простор. Алма-Ата, 1968. № 4-7.